

Алексей Дунаев: «Аскетическую традицию по книгам не восстановить»

[Вероника Бузыкина](#)

Алексей Георгиевич Дунаев родился в г. Москве в 1967 г. В 1991 году окончил классическое отделение филологического факультета МГУ, с 2000 кандидат исторических наук. Автор более 50 публикаций (в том числе 10 книг и брошюр) по истории русской философии, искусствознания и литературы, а также западноевропейской культуры, специализируется в патрологии (изучение творений святых отцов Церкви).

Качество переводов и переводчики

– **Расскажите, в каком сейчас состоянии издание святоотеческих творений, то есть, что переведено на русский язык, на современный русский язык, а что не переведено?**

– Больше непереуведенного, чем переуведенного. Казалось бы, даже такие всеми почитаемые отцы, как каппадокийцы – Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский; что уж говорить про других! С них начиналась, собственно, переводческая деятельность Московской Духовной Академии. Тем не менее, чуть ли не до 20-30 процентов сочинений даже великих отцов Церкви не переведено на русский язык (с учетом восточных версий). Исключение (среди больших собраний текстов) только Иоанн Златоуст: его перевели полностью по "Патрологии" Миня (собрание святоотеческих текстов, изданное во Франции аббатом Минем в середине XIX века); были открыты новые тексты, но и они недавно переведены. Также почти полностью, отчасти по неизданным рукописям, были переведены творения прп. Феодора Студита.

– **Когда читает обычный человек, неспециалист, для него имеет значение качество перевода?**

– Качество перевода зависит, прежде всего, от надежности самого греческого, или латинского, или любого другого восточного текста. Большинство имеющихся русских переводов – это переиздания переводов, сделанных в основном в XIX – начале XX века, а после этого текстология вышла на совершенно другой этап. Имею в виду так называемые критические издания – то есть издания, в которых учтено максимальное количество рукописей, по определенным правилам строгой филологической науки. Если говорить о поздних славянских переводах, то, например, у прп. Паисия Величковского переводы скорее буквальные, хотя где-то он и старался передавать смысл в ущерб букве. Чисто стилистически бывает тяжело продираться сквозь тексты не только XVIII, но и XIX века, тем более, что иногда переводили студенты, участвовавшие в масштабных проектах.

Переводчику надо очень много всего знать. Когда ты переводишь, ты должен быть специалистом не просто в данном языке, ты должен знать именно этот период, стилистику данного автора, терминологические нюансы, детали споров, потому что даже иногда можно в каких-то мелочах – но, тем не менее, сильно ошибиться. На Западе научное издание может готовиться коллективом ученых пять-десять-пятнадцать лет. То есть это громадная работа международной школы, которая имеет многовековые традиции.

Почему на Западе историческая, богословская наука сделала такой рывок? Там есть монашеские ордена, в которые люди приходят в соответствии со своими склонностями, способностями и интересами: есть направления со строго созерцательной аскетикой и мистикой, а есть те, кто посвящают свою деятельность науке. И именно благодаря: в агиографии – болландистам, в патрологии – иезуитам, мавристам и другим – был сделан этот прорыв. Целые монастыри занимались изданием тех или иных святых отцов.

А у нас после секуляризации церковных имуществ монастыри остались в полусамостоятельном состоянии, оказались на содержании государства, а научные традиции еще не сложились, и с другой стороны, государственные научные учреждения не были еще сформированы. Середина XIX века – вот начало систематической научной работы в Духовных Академиях и, отчасти, в светских учебных и научных заведениях. А института церковного научного монашества у нас так и не было. Об этом с сожалением писали до революции – еп. Феодор (Поздеевский), Н. Н. Глубоковский, Б. А. Тураев, после революции – архим. Киприан (Керн). И это особо трагически сказывается сейчас, потому что если светскому ученому нужно нормально платить, чтобы он мог семью содержать и прочее, то монахи находятся полностью на монастырском обеспечении, и, кроме того, у них не должно быть никаких мирских интересов – они должны быть сосредоточены на служении Церкви. В идеале, надо создавать центры, в которых бы сидели именно монахи и переводили святых отцов. А пока можно пересчитать по пальцам, сколько у нас новых переводов появилось за последние 15-20 лет.

– **А какие?**

– Если в хронологическом порядке, то приблизительно так: Алексей Иванович Сидоров перевел прп. Максима Исповедника, блж. Феодорита Кирского, немного святителя Григория Паламу, Анастасия Синаита и некоторых других отцов; потом, я переводил мужей апостольских, жития и апологетов, аскетическую византийскую исихастскую литературу, Макария Египетского, сейчас буду издавать отдельной книжкой некоторые творения святителя Григория Паламы; потом Дмитрий Евгеньевич Афиногенов перевел вместе со священником Максимом Козловым отдельные трактаты прп. Иоанна Дамаскина, отредактировал "Точное изложение Православной веры" и перевел и издал отдельными книжечками трактаты святителя Фотия, отдельные жития; епископ Иларион Алфеев перевел второй том Исаака Сирина и некоторые сочинения прп. Симеона Нового Богослова. Сейчас появляются и другие переводчики, но пока либо работа их эпизодична и не широкомасштабна, либо качество переводов неудовлетворительно.

Что читать?

– **Но если всё настолько сложно, то доступно ли это вообще пониманию простых прихожан; может быть, чтение таких отцов только для специалистов?**

– Я так не считаю. На Западе это так. Известны интервью с западными учеными, где они очень удивляются тому, что у нас народ читает подобного рода труды, потому что на Западе это удел специалистов. Но все-таки в России святых отцов читает гораздо более большой круг людей: и в монастырях, и просто благочестивые миряне.

А насчет трудностей понимания – тогда давайте и Гомера не будем читать, и Эврипида не будем читать, и вообще всю древнюю литературу! Любая литература, классика, требует

определенных комментариев, введений, познаний. Даже Новый Завет можно на каком-то начальном уровне понять, но если вы захотите углубиться в проблему, то можно идти до бесконечности, ибо текст открывается на разных уровнях.

Кто-то читает святых отцов для назидания, кто-то для утешения, кто-то ищет ответы на вопросы о смысле жизни, кто-то ищет интерпретации тех или иных мест Священного Писания. И святоотеческие творения никогда не устаревают, за исключением определенных реалий, которые связаны с историческими событиями, почему эти тексты, как и любое другое литературное произведение, и нуждаются в комментариях. Но сочинения свт. Иоанна Златоуста, которые обращены к вечным нравственным ценностям, можно читать и без комментариев. К некоторым другим аскетическим писателям уже нужны пояснения, когда они пишут о высоких созерцаниях, об умной молитве; даже сам свт. Феофан Затворник проводил определенную цензуру, когда переводил подобного рода сочинения.

– А есть ли такие святоотеческие книги, которые монахам читать можно, а простым прихожанам, тем более неопитам, будет вредно?

– Так говорили про многие книги, даже про Священное Писание. Сейчас в Православии такого нет, да и раньше не было специальных запретов. Это в эзотерических обществах есть какие-то книги, которые можно давать на одних ступенях, на других нельзя. Другое дело, что вы просто сами читать не сможете, если у вас нет какой-то определенной заинтересованности в этом.

Если же говорить о некоторой осторожности в выборе чтения, то можно назвать, пожалуй, тексты, касающиеся аскетических практик. Но и практики описывались достаточно фрагментарно и обще, без особой детализации психофизиологических приемов: поэтому без конкретного наставника вы все равно это не сможете сделать. И если традиция умирает, по книгам вы ее не восстановите.

– А как Вы считаете, нужно читать разных святых отцов? Или как некоторые советуют, выбрать какого-то одного святого отца и его читать, и ему следовать?

– Одно дело – новоначальный, другое – "продвинутый", третье – тот, кто интересуется определенными аспектами, скажем, по смежным специальностям, четвертое – это профессиональный богослов, патролог. Для каждой аудитории – свои интересы, свои уровни, свои требования.

Обычно интересуются той литературой, которая у нас была давно переведена. Скажем, писания мужей апостольских, где особо сложной догматики нет, но которые приближают читателя – по ожиданиям эсхатологическим, по моральным требованиям – к раннехристианским временам. Это ведь самые начала христианства – их всегда можно с большой пользой читать. Потом аскетическая литература, например, сочинения аввы Дорофея, отдельные трактаты из "Добротолюбия", "Лествица" Иоанна Синайского. Затем толкования на Священное Писание – особой популярностью в России пользуются комментарии Феофилакта Болгарского, основывавшегося, главным образом, на творениях свт. Иоанна Златоуста. Конечно, это нуждается в какой-то адаптации применительно к современным людям, то есть требуется работа и со стороны священника. Иногда обычному современному прихожанину чтение, например, Льюиса (я имею в виду произведение "Расторжение брака") может дать больше, чем древнецерковная литература.

– Как Вы считаете, стоит издавать упрощенные варианты святых отцов?

– Упрощенные варианты — это или проповеди современных священников, или работы специалистов, которые имеют несколько образований – и духовное, и научное светское. Они должны сами от себя говорить и писать в тех категориях и таким языком, который им привычен. Что воспринималось совершенно привычно в том контексте, может совершенно иначе выглядеть в современном. Поэтому никакое упрощение невозможно, речь идет о сознательном усвоении, о творческой разработке этих вопросов, а не о какой-то механической компиляции. Это будет просто порча текстов.

– А тех святых отцов, которые говорят о глубинах духовной жизни, наверное, лучше читать с благословения священника, или можно прямо взять так с полки и открыть?

– Я не сторонник таких ригористических позиций, я считаю, что любого святого отца можно читать. Другое дело, что ты там поймешь. Все зависит от самого человека: если он нуждается в духовном руководстве, тогда лучше следовать тому, что говорит духовник. А человек достаточно самостоятельный – ведь люди разного возраста приходят к вере, с разным житейским опытом, с разной степенью образования – иногда может предпочесть не слушать "батюшку", а читать святых отцов. "Батюшкизм" обычно у неопитов развивается, а есть люди мыслящие, умные, которые станут сами читать Евангелие и святых отцов и по этому будут судить, что им священник говорит. Потому что есть общее правило, которое действует и для монахов: тебе могут говорить все, что угодно, но если ты видишь, что это противоречит догматам веры или Евангелию – то ты имеешь право не слушать даже священника. Соответственно, любой прихожанин должен соизмерять то, что ему говорит современный священник, с Писанием и с творениями святых отцов.

<http://kiev-orthodox.org:80/site/meetings/1847/>